

Ба 50533

Ты.—А. Л. Погодина . . . . .

25. 0 4. 2000

Погодин, А.
Белорусские поэты.

ХРОНИКА. — БАНКОВЫЯ ЗЕМЕЛЬНЫЯ ПОКУПКИ.

325

означенный результат достигнуть повышениемъ продажной цѣны, т.-е. переложениемъ дефицита казеннаго хозяйства на крестьянскія плечи. Еще большее впечатлѣніе получается отъ того, что означенныя 262 тысячи десятинъ составляютъ едва тринадцатую часть всей купленной банкомъ земли, менѣе десятой части оставшейся у банка непроданною и лишь четвертую часть того, что банкъ успѣлъ сбыть за четыре года. Другими словами, это маленькій показатель отборъ изъ большой массы. Удастся ли также переложить на крестьянъ-покупщиковъ убытки остальной массы—это остается очень большимъ вопросомъ. А другой вопросъ—не подрываютъ ли подобныя перекладки прочность совершенныхъ продажъ и не жертвуютъ ли ради нихъ основною цѣлью—передачею земли именно наиболѣе нуждающимся, а не сытымъ? Пока въ отношеніи къ главной массѣ банковской земли видна лишь убыточность.

Объясненныя выше отрицательныя свойства банковской земельно-торговой операціи, конечно, давно извѣстны, но теперь приходится коснуться ихъ какъ потому, что относительно ихъ обнародованы свѣжія точныя свѣдѣнія, такъ и, главнымъ образомъ, въ виду того очень характернаго явленія, что министерство строить на этихъ свѣдѣніяхъ выводы какъ разъ обратные тѣмъ, какіе изъ нихъ дѣйствительно вытекаютъ. Данныя министерской записки гораздо пригоднѣе для доводовъ за прекращеніе земельныхъ покупокъ, чѣмъ за ихъ продолженіе, для доказательства очевидной неудачи, а не успѣха. Онѣ ясно обрисовываютъ неспособность банковыхъ и прочихъ землеустроительныхъ учрежденій толково и незамедлительно пристраивать земли даже при сильномъ крестьянскомъ спросѣ—а записка говоритъ о доказанной на опытѣ успѣшности земельного сбыта; предъ нами многомилліонныя приплаты—а изъ нихъ выводятъ безубыточность и финансовую пригодность; задачу банка составляетъ помощь противъ малоземелья, но о томъ, какъ достигается эта коренная цѣль—краснорѣчивое молчаніе; существуетъ крупная опасность возврата банку уже сбытыхъ земель, но о ней—ни слова. Кого можно убѣдить подобными приемами, кромѣ тѣхъ, кто, и не читая, заранѣе готовъ соглашаться съ министерскими предложеніями?

Разумѣется, послушная Дума можетъ принять внесенный въ нее законопроектъ; но относясь къ дѣлу серьезно, слѣдуетъ сказать, что если проектъ пройдетъ, то малоземелье замѣтно не уменьшится, нуждающіеся крестьяне почти ничего не выиграютъ, цѣны на землю не удержатся выше ея стоимости, будутъ значительныя хроническіе убытки, банкъ и прочія землеустроительныя учрежденія наберутъ себѣ много новой работы, не будучи въ силахъ справиться съ крупнымъ остаткомъ старой, и процвѣтетъ—одно затяжное упражненіе въ земельной

Бел. архивел
50533

кройкѣ, практическая оцѣнка которой не загадочна—и не за горами. Если хотять, чтобы покупки были полезны—надо измѣнить земельную политику; а этого пока не видно.

Ө. Ө.

БѢЛОРУССКІЕ ПОЭТЫ

Дикая, бессмысленная травля „инородцевъ“, которая считается у насъ теперь высшимъ словомъ государственной мудрости и, раздуваемая наемными публицистами, возводится въ перлъ патріотизма, вызываетъ повсюду ростъ здоровыхъ національныхъ стремленій. Земледѣльцы говорятъ, что иногда холодокъ, сѣрая погода да непрерывный, скучный мелкій дождь бывають нужны хлѣбамъ. Мы-то, городскіе жители, сердимся на скучное безвременье и впадаемъ въ хандру—а земля дѣлаетъ свое дѣло и раститъ здоровый хлѣбъ съ здоровыми сѣменами. Такъ и теперь: ужъ чего, кажется, назойливѣе и однообразнѣе этотъ ливень ограничительныхъ циркуляровъ, этотъ гулъ „патріотическихъ“ статей—а исторія дѣлаетъ и дѣлаетъ свою непрерывную, хотя и незамѣтную работу. Она поднимаетъ къ жизни долго дремавшія народности. Униженные и осмѣянные казеннымъ перомъ, онѣ лучше ориентируются въ своемъ положеніи; національная ихъ печать несетъ повсюду новыя, жизнетворныя стремленія и убѣжденія; интеллигенція, отщепившаяся отъ своего народа, возвращается къ нему. Таковъ процессъ, происходящій по всей Россіи. Привѣтъ ему, этому здоровому демократическому процессу: онъ распространяетъ истинное просвѣщеніе, приобщаетъ къ общегосударственнымъ интересамъ всѣ слои народа, объединяетъ ихъ, конечно, гораздо больше, чѣмъ всякое официальное учрежденіе—какъ могла бы объединять развѣ Государственная Дума, если бы она была настоящимъ представительствомъ своей Россіи.

БѢлорусское національное возрожденіе пошло быстро съ 1905-го года, но пробужденіе народа насчитываетъ уже не одинъ десятокъ лѣтъ. Какъ всегда и вездѣ это бываетъ у національностей пробуждающихся, сначала кучка интеллигентовъ, „смѣшныхъ идеалистовъ“, почувствовала свою кровную связь съ забытыми и темными народными массами, сердечно ихъ пожалѣла и стала писать для нихъ. Какъ въ украинской, такъ и въ бѢлорусской литературѣ дѣло началось съ пародій, съ подражаній. Уже въ XVIII вѣкѣ нѣкій В. П. Ровинскій перекла-

дываетъ малорусскую „Энеиду“ И. Котляревскаго „на смоленскій крестьянскій языкъ“, и переложеніе его пользуется большою популярностью у мѣстной мелкой шляхты. Потомъ, въ сороковыхъ и въ пятидесятыхъ годахъ, послѣ долгаго перерыва, опять появляются произведенія на бѢлорусскомъ языкѣ. Выходятъ они изъ среды польскаго бѢлорусскаго дворянства, такъ какъ другой интеллигенціи въ краѣ не было; русскіе чиновники, презиравшіе все на свѣтѣ, кромѣ двадцатаго числа, конечно оставались совершенно чуждыми народной массѣ. Но изъ того благороднаго демократическаго кружка, который образовался въ началѣ двадцатыхъ годовъ въ Виленскомъ университетѣ подъ названіемъ филаретовъ, вышли люди, проникнутые живымъ чувствомъ симпатіи къ народу. Другъ Мицкевича, Янъ Чечотъ, уже юношей сочиняетъ бѢлорусскіе стихи, а въ зрѣломъ возрастѣ продолжаетъ собираніе бѢлорусской народной поэзіи и самъ создаетъ рядъ удивительно удачныхъ подражаній ей. Дунинъ-Марцинкевичъ (1807—1885 гг.) печаталъ по-бѢлорусски и народныя пьесы, и повѣсти, и стихи. Но еще долго все это оставалось курьезомъ, любительской поэзіей, проявленіемъ господскаго снисхожденія къ „народу“.

Съ 1891-го года дѣло мѣняется. Въ этомъ году выходитъ „БѢлорусская дудка“ Бурачка—сборникъ стихотвореній, проникнутыхъ живымъ національнымъ сознаниемъ и снабженныхъ предисловіемъ. Консервативный историкъ этого движенія, самъ бѢлорусъ, но трепещущій передъ народнымъ движеніемъ, ректоръ Варшавскаго университета Е. О. Карскій, ставитъ въ упрекъ Бурачку, будто бы онъ „старается возбудить сепаратистическія стремленія національныя и литературныя, отстранить бѢлоруссовъ отъ великоруссовъ и побудить ихъ къ выработкѣ самостоятельной литературы“. Это—обычный упрекъ людей, перешедшихъ на сторону господъ положенія и умѣющихъ видѣть въ національныхъ стремленіяхъ лишь пустую забаву, если не „крамолу“. Дѣйствительно, какъ опасно предисловіе Бурачка! Послушайте, что говоритъ авторъ. „Милые братья, дѣти Земли — моей Матери! Вамъ посвящая свою работу, я долженъ поговорить съ вами о нашей долѣ-недолѣ, о нашемъ родномъ исконномъ языкѣ, который мы сами, да и не одни мы, а всѣ темные люди зовутъ „мужицкимъ“, хотя онъ называется бѢлорусскимъ... Нашъ языкъ—такой же человѣческій и панскій, какъ и французскій или нѣмецкій, или какой-либо другой. Неужели же такъ на вѣки вѣковъ мы можемъ читать и писать только на чужомъ языкѣ? Хорошо и даже необходимо знать сосѣдскій языкъ, но прежде всего надо знать свой“. Такъ поэтъ старался пробудить въ своемъ народѣ уваженіе къ своей личности, стремленіе къ свободѣ. И онъ жаловался на трудность работы въ своей „Дудкѣ“: „Соракъ гадоу бьюся, Ніякъ ня звярнуся, Ніякъ ня натраплю

Вадзицы хоць каплю, Ды такой вадзицы, Ды съ такой крыницы, Што якъ хто напѣцца Дыкъ вольнымъ стаѣцца!“

Однако „капля свободной воды“, которую сорокъ лѣтъ искалъ Бурачокъ, упала не на неплодную почву. Ростки свободы повсюду стали подниматься на бѣлорусской нивѣ, и къ 1905-му году мы видимъ уже довольно сильное движеніе, благодаря которому образовался издательскій кружокъ и появилась первая бѣлорусская газета. Правда, издатели были вынуждены работать не только безкорыстно, но и самоотверженно; правда, немало попытокъ разбилося объ административныя кары и преграды. Но подавить самое движеніе не удалось даже нынѣшней „твердой“ власти. Кажется, она поняла, что загнать его внутрь народа, сдѣлать легальное и невинное „преступнымъ“—было бы ужъ слишкомъ неблагоприятно. Конечно, будь это гдѣ-нибудь въ коренной Россіи, передъ такими пустяками не остановились бы; но вѣдь въ Бѣлоруссіи имѣется „недержавная“ народность, поляки. Слишкомъ прижать бѣлорусское національное движеніе значило содѣйствовать его полонизаціи, и бѣлорусской интеллигенціи позволяютъ, хотя и со всяческими препонами, дѣлать свою большую культурную работу, насаждать въ народѣ грамотность, распространять интересъ къ родному языку. Вотъ уже пятый годъ выходитъ еженедѣльная газета „Наша Нива“, единственный органъ, черезъ который въ глушь Бѣлоруссіи проникаетъ свѣтъ современной культуры. „Наша Нива“ сообщаетъ о работѣ Государственной Думы, о томъ, что дѣлается на Западѣ; она печатаетъ рассказы и стихи, выпускаетъ въ видѣ приложения исторію Бѣлоруссіи, сборники стиховъ и т. д. За первые три года своего существованія „Наша Нива“ помѣстила 960 корреспонденцій изъ 489 деревень, напечатала 246 стихотвореній 61-го поэта и 91 рассказъ 36 различныхъ авторовъ. Можно сказать, что бѣлорусская газета дошла до самыхъ низовъ и вызвала съ ихъ стороны живой откликъ. „Наша Нива“ растетъ и развивается, хотя матеріально все еще жестоко бѣдствуетъ.

Просматривая этотъ журналъ съ первыхъ дней его существованія, я невольно обратилъ вниманіе на несомнѣнную талантливость нѣкоторыхъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ немъ. Отъ этой бѣлорусской поэзіи вѣяло такой непосредственностью живой любви къ родному краю, которая захватывала и читателя. Разумѣется, эта поэзія не сложна. Ей еще чужда утонченность настроеній мировыхъ литературъ. Мотивы ея просты и однообразны, какъ однообразно бѣлорусское Полясье; они грустны, какъ эта бѣдная, заброшенная страна, отрѣзанная въ иныхъ мѣстахъ на цѣлые мѣсяцы отъ общенія съ внѣшнимъ міромъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ потребность человѣческаго духа, сознавашаго свою индивидуальность, завоевать право свободного ея развитія обнаружи-

вается въ бѢлорусской поэзіи иногда такъ же ярко, какъ и въ малорусской. Совершенно не знакомое съ прекрасной украинской поэзіей, съ ея удивительной задушевностью, и мягкостью, съ свѣжестью ея юмора, наше общество, вѢроятно, съ удивленіемъ узнаетъ о существованіи нѢсколькихъ бѢлорусскихъ поэтовъ, произведенія которыхъ, вѢроятно, стали бы очень замѣтны, если бы они были написаны на великорусскомъ языкѣ. А можетъ-быть бѢлорусскимъ поэтамъ и нечего было бы сказать намъ, еслибы они были пересажены на нашу почву: вѢдь поэзія расцвѣтаетъ лишь у себя дома, подъ своимъ небомъ, питаясь соками *родной* земли. Являясь выраженіемъ народнаго душевнаго склада, эта поэзія раскрываетъ намъ то самое святое, чѣмъ живетъ масса, чаще всего полусознательно. И какъ въ стихахъ и разсказахъ украинскихъ писателей мы видимъ мучительный вопросъ о судьбахъ „недержавныхъ“ народностей, горячій призывъ къ „нероднымъ сыновьямъ родной матери“ вернуться домой, въ среду своего народа, страстное возмущеніе ренегатствомъ и мощное чувство любви къ милой родинѣ, такъ и въ бѢлорусской поэзіи эти ноты выступаютъ на первый планъ.

Въ послѣдніе годы, какъ поэты, выдвинулись *Янка Лучына* (Иванъ Неслуховскій), авторъ сборника стиховъ „Вязанка“ (1903), *Мацей Крапіука*, *Эдзюкъ Будзька* и многіе другіе, помѣщающіе въ каждомъ номерѣ „Нашей Нивы“ порою неискusstvenныя, мало оригинальныя, но всегда горячіе, искренніе стихи, которые, навѢрное, находятъ широкій откликъ въ народныхъ массахъ. На первое мѣсто слѣдуетъ поставить трехъ поэтовъ: *Янка Купалу* („Жалейка“, 1908), *Якуба Коласа* („Песни-жалобы“, 1910) и все болѣе выдающагося *Максима Богдановича*. Первые двое, какъ мнѣ сообщаютъ изъ Вильны, „дѣйствительно сыны народа, выросшіе въ мужицкой хатѣ, что даетъ намъ право въ ихъ душахъ видѣть проявленія души всего народа“. Что касается послѣдняго, то, по опредѣленію того же лица, „это уже индивидуалистъ въ сопоставленіи съ двумя первыми. У него проглядываетъ нѢжная, особенно интеллигентная душа, и эта ея филигранность можетъ быть залогомъ развитія. Для уясненія его переживаній интересно знать нѢкоторыя данныя изъ его жизни: это — юноша восемнадцати-девятнадцати лѣтъ, гимназистъ восьмого класса, болѣзненный, сынъ бѢлорусса (раньше, кажется, народнаго учителя), переселившагося лѣтъ двадцать тому назадъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ Максимъ Богдановичъ и родился. Года два тому назадъ онъ случайно познакомился съ изданіями на бѢлорусскомъ языкѣ и пробудился въ національномъ отношеніи. Пробудившееся чувство отдаленія отъ родины, которой онъ никогда не видѣлъ, но о которой онъ зналъ отъ отца, равно какъ болѣзнь, и повліяли на созданіе этого новаго

типа, пока одинокаго, въ семьѣ бѣлорусскихъ поэтовъ“. М. Богдановичъ — одно изъ обычныхъ явленій, сопровождающихъ національное пробужденіе народовъ: тонкая и чуткая натура, охваченная стремленіемъ вернуться къ униженному и забытому народу. „Ни одинъ сытый не можетъ такъ играть, какъ играетъ народное горе“, писалъ этотъ юноша въ 1907-мъ году, въ символической легендѣ о происхожденіи поэзіи.

Въ этомъ очеркѣ я останавливаюсь на четырехъ бѣлорусскихъ поэтахъ: Янкѣ Лучынѣ, Янкѣ Купалѣ, Якубѣ Коласѣ и М. Богдановичѣ. Не лишнее упомянуть, что въ братской украинской литературѣ слѣдять съ живымъ сочувствіемъ за процессомъ бѣлорусскаго національнаго возрожденія. Одинъ изъ львовскихъ писателей посвятилъ этому процессу довольно обширную работу (И. Святицькій, „Видроджене білоруського письменства“, 1908) и привелъ въ ней нѣсколько политическихъ бѣлорусскихъ стихотвореній, которыя по условіямъ нашей печати не могли появиться въ виленской „Нашей Нивѣ“. Характерно, что и въ этихъ стихотвореніяхъ вовсе не обнаруживается пресловутаго „сепаратизма“, который такъ неразумно и, я сказалъ бы, съ такою опасностью для государства наши націоналисты усматриваютъ во всякомъ національномъ движеніи. Содержаніе ихъ обычно для всей русской освободительной поэзіи. „Паустаньце! край ваш стогне родны, заве збауляць, як звау не раз. Паустаньце, гляньце, Боже милы, свабоды сонцэ вась заве! Крыху адваги й дружнай силы, а шчасце вечна зацьвяце!“ (Встаньте! Стонетъ вашъ родной край, зоветъ спасти его, какъ звалъ не разъ. Встаньте, взгляните, Боже мой, вась зоветъ солнце свободы. Немного отваги и дружной силы, и счастье зацвѣтетъ навѣки).

Янка Лучына ставитъ на первомъ планѣ вопросы соціального положенія народа. Его сборникъ, вышедшій въ 1903-мъ году, является предзнаменованіемъ того общаго движенія, которое въ 1905-мъ году разразилось грозной бурей надъ всей Россіей. И скорбь по народной темнотѣ и бѣдности, и вѣра въ громадныя силы, заложенныя въ немъ, и молодой оптимизмъ, убѣжденный, что „счастье будетъ, какъ пчелкамъ въ ульѣ“: все это внушаетъ Лучынѣ истинно-поэтическія нотки. Вотъ его обращенія къ сѣверному вѣтру:

Эй ты, сиверь,—ня дзьми!.. не патрэбенъ ты намъ,
Адъ полудня цяпу зъ тобой ходу нима!
Хоць бы разъ безъ цябе зарунецъ бы палямъ,
Хоць бы разъ у свой часъ адышла бы зима!
Устрапянууса бы духъ у челаўчай грудзи,
Ды й забыли бы мы морэ смутку ды й слезъ
Спихни, сиверь, хоць разъ, на ласохъ ня гудзи,
На далекъ акіанъ убяжи ты, марозъ!

Эй ты, сѣверъ, не дуй. Ты не надобенъ намъ,
 Намъ съ тобой не дожидаться отъ юга тепла,
 Хоть бы разъ безъ тебя пробудиться полямъ,
 Хоть бы разъ въ сое время зима-то ушла!
 Встрепенулся бы духъ въ человѣчьей груди,
 И забыли бы мы море скорби и слезъ,
 Стихни, сѣверъ, хоть разъ, по лѣсамъ не гуди,
 И къ далекимъ морямъ убѣги ты, морозъ!

Въ другомъ стихотвореніи, посвященномъ „Родной Сторонкѣ“, мы слышимъ то же заунывное, чисто народное, бѢлорусское причитаніе надъ бѣдностью и темнотой БѢлоруссіи. „Ты намъ раскинулась, лесомъ, балотами, выдмай песчаную, неураджайною, маці зямлица, и умалотами хлеба надъ мерку не дашъ звичайную. А сынъ твой беднай адзетъ сермягаю, зъ лыка плеченые лапци абууты, едзе драбанами, цы калымагаю, конемъ, ште уягне, якбы заснуушы... Усе у табе бедна. Часта заплачэ мужыкъ араты дзеля злой доли, цяжка працуючи“...

Тѣ же мотивы проходятъ красной нитью въ „Жалейкѣ“ Янки Купалы, но техника его стихотвореній выше. Рѣзче выступаетъ и народная струя въ языкѣ. Стихи Лучыны пойметъ всякій образованный русскій человѣкъ — для пониманія Янки Купалы нужно знакомство съ бѢлорусскимъ словаремъ. И рядомъ съ горькой нотой въ стихахъ этого поэта-крестьянина выступаетъ уже нѣчто новое: вѣра въ будущее БѢлоруссіи. „Я мужикъ-бѢлоруссъ“, — заявляетъ онъ, — „Темный самъ, бѢлый усъ. Эхъ, кабъ темный не былъ, читать книжки умѣлъ, я бы счастье добылъ, я бы пѣсенки пѣлъ! Я сумѣлъ бы сказать, что и я человѣкъ, что и миѣ горевать надоѣло весь вѣкъ“. Это еще очень примитивное, но тѣмъ болѣе понятное народу, тѣмъ болѣе связанное съ нимъ сознание социальной неправды проходитъ красной нитью въ „Жалейкѣ“ Купалы, съ тѣмъ однообразіемъ, которое такъ обычно въ народной поэзіи. Жалобы на пана, который гонитъ арендатора изъ избы, патетическое восклицаніе: „Не праклинайце лапцяу липовыхъ, не пагарджайце лапцяу лазовыхъ“, воспѣваніе сохи и бѣдной хатки, стихійная радость приходу весны и грусть съ наступленіемъ осени и зимы, непрерывный стонъ надъ народной бѣдностью, темнотой и безправіемъ — вотъ содержаніе стихотвореній Янки Купалы. Таково и самое характерное изъ нихъ: „А кто тамъ идетъ“.

А хто тамъ идзе, а хто тамъ идзе?
 У вагромнистай такой грамадзе?
 — Беларусы.

А што й ны нясуць на худыхъ плечахъ,
 На у лапцахъ нагахъ, на у крыви рукахъ?
 — Сваю крыуду.

А каму нясуць гэту крыуду усю,
А куды нясуць на паказ сваю?

— На светъ цэлы.

А хто гэтай йих, не адзин мільён,
Крыуду несць научыу, разбудзну йих сон?

— Беда, гора.

А чагож, чаго захацелась йим,
Пагарджаным век, йим сляным, глухим?

— Людзми звацца.

Сборникъ „Песни-жалбы“ Якуба Коласа самымъ своимъ названіемъ опредѣляетъ господствующій тонъ его стихотвореній. Но содержаніе ихъ сложнѣе, чѣмъ у Янки Купалы. Здѣсь преобладаютъ картины природы, иногда такія изящныя и поэтическія, что невольно останавливаешься надъ ними. Въ Якубѣ Коласѣ чувствуется дѣйствительный поэтъ, умѣющій находить свои слова для давно описанныхъ образовъ. Этихъ картинъ, взятыхъ изъ родной земледѣльческой природы, такъ много въ сборникѣ, и такъ онѣ своеобразно прочувствованы поэтомъ, что по нимъ можно было бы просто составить альбомъ крестьянской, сѣрой, не польской и не великорусской, а совсѣмъ особенной „сермяжной“ Бѣлоруссіи.

„Ціха калосься, схіліушы галовы,
Шэучуць у межах палёу;
Толькіж ня слухае неба іх мовы —
Жальбы ржаных калосоу.
Сіняе небо усё сонцам заліто;
Полудзень, вар, цішына“...

Тихо колосья, склонивши головки,
Шепчуть на межахъ полей;
Только не слушаетъ небо ихъ жалобъ,
Ржаныхъ колосьевъ рѣчей.
Синее небо все солнцемъ залито,
Полдень, жара, тишина...

А вотъ о колосѣ, выросшемъ случайно среди травы. „На соломокѣ тонкой средь травы глухой, спѣветъ, доспѣваетъ колосъ сиротой. Можетъ, пташка Божья бросила зерно, или залетѣло съ бурей оно, или конь изъ торбы какъ-то уронилъ на чужую пашню зерно посадилъ“. Приходитъ весна. „И зима, какъ дымъ, пропала, зеленѣетъ лугъ, поля, и очнулась, какъ отъ боли, наша рѣдная земля“. Картины природы сплетаются съ длинными, однообразными, обычными въ бѣлорусской поэзіи картинами крестьянской доли. „Пока жить ты соберешься, умирать уже пора“. „Рѣдкое жниво, травы половина, колосъ не гнется зерномъ до земля“. „Наше поле дрянно родить, бѣдно здѣсь живетъ народъ, и въ грязи онъ, бѣдный, ходитъ, а трудится—

лется потъ. Грустно смотрять деревеньки, глянешь—сердце заболить, на дворѣ полѣнья, бревна, куча мусору лежитъ. Крестъ сосновый на дорогѣ, кучка тополей сухихъ; тихо, скучно, какъ въ острогѣ, какъ среди могилъ своихъ. А какъ пѣсня понесется, сколько въ пѣснѣ той бѣды! Убѣжалъ бы я, сдается, самъ не вѣдаю, куды! Край нашъ родный, бѣдно поле, ты глядишь, какъ сирота; грустенъ ты, какъ наша доля, какъ ты—наша темнота!“ Якубъ Коласъ не даромъ упоминаетъ объ острогѣ; цѣлый рядъ его стихотвореній объединенъ общимъ названіемъ: „Изъ тюрьмы“. Впрочемъ, не Коласъ одинъ посылаетъ въ „Нашу Ніву“ свои стихи изъ тюрьмы. „С турмы“ грустно-гнѣвное стихотвореніе шлетъ Эдзюкъ Будзько.

Максимъ Богдановичъ пишетъ по-бѢлорусски, но мотивы его поэзіи—общечеловѣческіе, не тѣсно-народные. „Какъ надъ бѢлымъ пухомъ вишень, точно синій огонекъ, бьется, вьется быстрый, легкой, синекрылый мотылекъ. А вокругъ него весь воздухъ въ струнахъ солнца золотыхъ, онъ дрожащими крылами еле слышно звонитъ въ нихъ. И хвалою лется пѣсня, тихій, ясный гимнъ веснѣ. Иль его мнѣ напѣваетъ, напѣваетъ сердце мнѣ? Можетъ быть, то вѣтеръ звонкій въ тонкихъ травкахъ шелеститъ, иль камышъ сухой, высокій тамъ у берега шуршитъ? Не понять и не развѣдать, никогда мнѣ не узнать, не дадутъ мнѣ думать звуки, что летятъ, дрожатъ (звѣняць). Пѣсня рвется, пѣсня лется на раздольный вольный свѣтъ; кто пойметъ ее, услышитъ? Только, можетъ быть, поэтъ“!

Такова современная бѢлорусская поэзія, грустная, небогатая темами и образами, поэзія народа, истосковавшася въ безнадежномъ подчиненіи чужимъ культурамъ и религіямъ. Мало было народовъ, съ которыми исторія продѣлала бы столько экспериментовъ, какъ съ бѢлорусскимъ. Сначала самостоятельныя княжества были завоеваны литовскими князьями, но бѢлорусскій языкъ сдѣлался официальнымъ языкомъ ихъ государства. Потомъ пришло польское владѣтельство, съ его презрѣніемъ къ крестьянству и къ хлопской вѣрѣ. Іезуиты насадили унию; шляхта водворила польскій языкъ. Екатерина II присоединила бѢлорусскія губерніи къ Россіи подъ видомъ возстановленія древняго единства русскихъ земель, хотя Московское государство никогда не владѣло ими. Было возстановлено православіе при Николаѣ I. На бытовыя особенности населенія, на его многовѣковую собственную исторію обращалось мало вниманія, точно Минская или Гродненская губерніи ничѣмъ не отличаются отъ Тверской. Населеніе чувствовало себя приниженымъ, еще болѣе приниженымъ, чѣмъ въ Великороссіи. И вотъ теперь началось его національное пробужденіе, выражающееся, какъ показываетъ его поэзія, въ сознаніи своего человѣческаго я. Это движеніе еще слабо, еще

ограничивается десятками активных работников и немногими тысячами сочувствующих. „Ты съешь... а гдѣ твое жниво?“—спрашивает Янка Купала въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. Замретъ ли это движеніе, или ему суждено разростись, и весь бѣлорусскій народъ проникнется сознаниемъ своихъ національныхъ правъ? Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ категорически. Я думаю, что дѣло бѣлорусскихъ національныхъ дѣятелей чистое и хорошее, что оно несетъ въ глухіе закоулки бѣдной страны и первыя знанія, и интересъ къ книгѣ, и жажду разумной, осмысленной, достойной человѣка жизни. Я думаю, что ихъ трудъ не бесплоденъ, и въ томъ или иномъ направленіи, можетъ-быть неожиданнымъ для нихъ самихъ, принесетъ жатву. Какъ ни сильно на свѣтѣ зло, все-таки добро въ концѣ-концовъ побѣждаетъ его, и если самоотверженный, безкорыстный трудъ бѣлорусскихъ работниковъ пробудитъ гражданское и человѣческое сознание въ забитыхъ бѣлорусскихъ массахъ, то и это будетъ святой результатъ ихъ дѣятельности, хотя бы имъ и не удалось, скажу болѣе—не понадобилось создать особый литературный бѣлорусскій языкъ. Во всякомъ случаѣ, это вопросъ будущаго, который разрѣшитъ исторія.

А. Погодинъ.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ЮЖАКОВЪ

Скончавшійся 29-го ноября, на 62-мъ году жизни, публицистъ и соціологъ С. Н. Южакъ выдвинулся впервые въ началѣ семидесятыхъ годовъ, когда появились его содержательные научно-соціологическіе этюды въ журналѣ „Знаніе“. Онъ самостоятельно разбиралъ въ нихъ вопросы, сильно занимавшіе въ то время передовые кружки нашей интеллигенціи—вопросы объ отношеніи дарвинизма къ общественнымъ наукамъ и о значеніи органической теоріи Спенсера для соціологіи. Обладая способностью систематическаго мышленія, онъ очень тонко анализировалъ тѣ біологическія обобщенія и увлеченія, которыя побуждали многихъ возставать противъ объективнаго научнаго метода, какъ пренебрегающаго жизненными интересами индивидуальности. Онъ понималъ, что наука нисколько не отвѣтственна за ошибочные или односторонніе выводы, дѣлаемые отдѣльными исследователями и теоретиками, хотя бы самыми авторитетными. Этою правильною научною точкою зрѣнія проникнуты всѣ его статьи, собранныя

а.

Алматы

19

1894 г.

